

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ КООПЕРАЦИИ В 20—40-е гг. XX в.

З. Р. Кочкарова

*Ставропольский кооперативный институт (филиал)
Белгородского университета потребительской кооперации*

Поступила в редакцию 11 февраля 2008 г.

Аннотация: *В статье описываются планы воронежских студентов на будущее. На основе статистики и социологических исследований автор анализирует основные ценностные ориентации студентов.*

Ключевые слова: *высшее образование, второе высшее образование, жизненные планы, рынок труда, формы продолжения образования (аспирантура, магистратура, стажировка), ценностные ориентации.*

Summary: *This article describes the future educational plans of the voronezh students. On the basis of statistics and sociological data the authors' analyze causes, which make them to continue studies.*

Key words: *cooperation, society, modernization.*

В современных условиях для успешной реализации приоритетных национальных проектов, прежде всего в области сельского хозяйства, поставлена задача создания в стране организованного кооперативного движения. В связи с этим изучение опыта прошлого, в том числе и советского периода, в деле развития кооперации и выявления ее возможностей в осуществлении намеченных планов становится весьма актуальным.

Проблемам деятельности кооперации в условиях советской власти посвящены многие работы. Среди них особо следует отметить труды К. И. Вахитова, А. П. Макаренко, Л. Е. Файна и др., в которых с современных позиций рассматриваются история развития и практическая деятельность кооперации России [1]. По Северокавказскому краю фундаментальных работ по кооперации до сих пор нет, кроме монографии А. А. Панарина, в которой освещена деятельность сельскохозяйственной кооперации 1920-х гг. [2]. Остальные периоды истории советской кооперации выпадают из поля зрения исследователей из-за неудобств их осмысления по известным причинам.

В данной статье мы сделали попытку в комплексе рассмотреть противоречивость государственной политики по отношению к кооперации и своеобразию социально-экономической деятельности кооперативов и их союзов на Дону, Кубани и Ставрополье в 20—40-е гг. ушедшего столетия, не претендуя при этом на всеобъемлющее освещение поставленной проблемы.

С установлением в стране власти большевиков хорошо налаженная кооперативная система встре-

тила противоречивое к ней отношение со стороны советской власти. В то же время кооперация во всех формах и видах была одной из тех немногих хозяйственных структур, которая не была разрушена в первые месяцы деятельности новой власти. В марте 1918 г. Наркомпрод отмечал, что все дело распределения, особенно в деревнях, ведется исключительно кооперацией. Она осуществляла межрегиональный обмен, занималась благотворительной деятельностью, вела полноценную хозяйственную жизнь.

Противоречивость политики по отношению к кооперации выразилась в том, что в период «военного коммунизма» конструирующей идеей новой власти стало построение социалистического государства не через развитие товарно-денежных отношений, а через прямой товарообмен, отсюда игнорирование основных принципов кооперации как уплаты паевых взносов и распределения прибыли [3].

Тем не менее, в первые месяцы своего правления новое руководство в определенной мере прислушивалось к мнению кооператоров. Так, 10 апреля 1918 г. лидерам Центросоюза удалось в декрете Совнаркома «О потребительских кооперативных организациях» в противовес предлагавшемуся проекту отстоять самостоятельность кооперативных организаций, добровольность членства в них, выборность органов управления и ряд других норм. Однако уже через 11 месяцев Ленин, охарактеризовав прежний акт как «временную уступку», инициировал новый декрет, по которому кооперативы поступали в полное административное под-

чинение Наркомпроду. Это означало фактическую национализацию кооперации [4].

В период с ноября 1918 г. по декабрь 1920 г. происходило огосударствление кооперации. За это время органы советской власти фактически полностью стали распоряжаться имуществом всех видов кооперации и их работниками, которых они снимали, перемещали, сажали в тюрьмы и расстреливали.

По данным журнала «Кооперативная жизнь» гонения на кооперацию в 11 регионах России только за неполный 1918 г. выглядели следующим образом: 1) вмешательство во внутренний строй жизни и деятельности кооперации — 172; 2) национализация — 27; ликвидация — 19; реквизиция — 58; репрессии — 52 случая. Всего же гонений разных видов было допущено 328 [5].

Формально советское государство не национализировало кооперативы (хотя на местах было немало случаев конфискации имущества), но практически кооперативы попали под полный государственный контроль Народного комиссариата продовольствия и других государственных органов. Это административное подчинение кооперативов регламентировалось декретами Совнаркома от 10 апреля 1918 г., от 16 марта 1919 г. и другими решениями [6, с. 232].

В 1919 г. была ликвидирована вертикальная структура кооперации: Совет кооперативных съездов и Всероссийский совет рабочей кооперации; 27 января 1920 г. были закрыты всероссийские центры сельскохозяйственной и промысловой кооперации [7, с. 72].

Кооперативный управленческий аппарат сливался с управленческими структурами Наркомпрода. Кооперативные работники получили статус и оклады государственных служащих. Материальная база потребительской и сельскохозяйственной кооперации (магазины, склады, ледники, заготовительные и перерабатывающие предприятия) была окончательно переведена на положение технического аппарата распределения и заготовок продовольствия, фуража и товаров первой необходимости [6, с. 233].

Все разрушительные «военно-коммунистические» меры были предприняты в конечном итоге для организации централизованного продуктообмена между крестьянами и рабочими, что в представлении В. И. Ленина и его соратников и означало в целом коммунистическое производство и распределение.

Ленинская концепция организации социалистического общества как единой сети «потребитель-

ско-производственных коммун» и «перехода от частичных раздробленных кооперативов к единому всенародному кооперативу» была изложена в декабре 1917 г. в «Проекте декрета о потребительских коммунах», «Очередных задачах Советской власти» и других работах, написанных Лениным в 1917—1918 гг.

Как Ленин планировал двигаться к «единому общегосударственному кооперативу», стало ясно после публикации 1 февраля 1918 г. в «Известиях ЦИК» «Проекта декрета о потребительских коммунах». Проект предусматривал национализацию всех существующих потребительских обществ и создание потребительско-производственных коммун, контроль за их деятельностью советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, обязательное вступление в потребительские общества всего взрослого населения страны, организацию учета и распределения продовольствия, причем в каждом районе только одним кооперативом, возможность закупок товаров на государственные беспроцентные ссуды [8, с. 206—210].

К 1920 г. путем приказного слияния различных кооперативов почти все население страны было охвачено потребительской кооперацией. С формированием структуры ЕПО — райотделение-губсоюз-Центросоюз — возникла советская потребкооперация — полугосударственное образование, сохранившее лишь некоторые внешние признаки кооперации. 27 апреля 1920 г. Совнарком принял постановление передать суду старых членов правления Центросоюза, находящихся в России и за границей. А чуть раньше IX съезд РКП(б) принял резолюцию о передаче собственного производства и культпросветдеятельности Центросоюза госучреждениям [4].

Общие тенденции развития кооперации в стране, определенные политикой советской власти, были характерны и для кооперативных организаций Дона и Северного Кавказа.

В этот период кооперация на Дону, как и на всем Северном Кавказе, из-за постоянной смены власти находилась в особо сложных условиях. Но несмотря на хозяйственную разруху и политическую нестабильность, 11 союзов потребительских обществ и 1046 кооперативов продолжали осуществлять снабжение населения товарами и обеспечивали товарообмен между городом и деревней. При приближении к Дону Красной армии многие руководители потребительских обществ стали отступать вместе с белогвардейскими войсками, некоторые общества в этой обстановке были ликвидированы, а 30 % полностью прекратили свое существование [9].

В послеоктябрьский период в корне изменилась деятельность потребительской кооперации и на Кубани. На кооперацию возлагались не только распределение продуктов по указаниям местных советских органов, но и их заготовка, развитие собственного производства товаров.

Однако несмотря на гражданскую войну, разруху и террор, кооперация росла и крепла, вовлекая в свою орбиту все новые и новые кооперативы. Вместе с Кубанским союзом работали еще четыре: Армавирский, Баталпашинский, Майкопский и Черноморский. Они объединяли 291 общество потребителей. А всего с несоюзными обществами насчитывалось 593 кооператива. Кубсоюз имел для морских перевозок пароход «Пенай» водоизмещением 35 тыс. пудов, заводы мыловаренный, кирпичный и колесной мази, парфюмерную фабрику, химическую и технологическую лаборатории. Но работа кооперации сдерживалась расстройством хозяйственной жизни в области, а гражданская война ускорила и обострила этот разрушительный процесс [10].

Несмотря на разгорающуюся гражданскую войну, прерванную связь с другими регионами из-за возникших линий фронтов, ставропольские кооператоры продолжали работу по налаживанию заготовок продовольствия. По поручению губернского продовольственного комитета кооперативные организации открыли весной 1918 г. хлебные ссыпки (заготовительные пункты) в селах Петровском, Изобильном, Расшеватка и на станции Торговой (ныне Сальск), в центральных пунктах губернии создали торговые склады [11].

В этот период Ставропольский губернский союз объединял 163 общества, имел 2403 тыс. р. оборотных средств собственных, а торговый оборот составлял 2636,8 тыс. р. [12, с. 2]. Оказавшись в составе губернского продовольственного комитета, кооперация продолжала выполнять функции аппарата распределения.

Органы советской власти на местах хорошо понимали, что без кооперации невозможно выполнить те огромные задачи по снабжению населения, которые стояли перед ними. В связи с этим в октябре 1920 г. Ставропольский губернский продовольственный комитет издает приказ, где осуждались незаконные действия органов местной государственной власти по отношению к кооперации. Губпродком предписывал всем продовольственным органам на местах немедленно прекратить вмешательство в работу кооперативных организаций, оказать кооперации всяческое содействие, вернуть кооперативам реквизированные у них помещения, товары и инвентарь. Приказ грозил привлечением

к суду ревтрибунала в случае невыполнения указаний по отношению ко всем видам кооперации [12, с. 3]. Приказ сыграл в тех трудных условиях положительную роль и сохранил в определенной мере кооперацию от полнейшего разрушения.

После окончания гражданской войны, Советское государство перешло от политики «военного коммунизма» к новой экономической политике. Сутью нового экономического курса, который стал осуществляться с марта 1921 г., стало частичное использование рыночных механизмов с целью вывода страны из всеобъемлющего кризиса, вызванного революционными потрясениями, Первой мировой и Гражданской войнами. Важнейшую роль в возрождении и развитии экономики, а также в повышении жизненного уровня населения в годы нэпа сыграла российская кооперация.

Политика Советского государства по отношению к потребительской кооперации в 1920-е гг. претерпела изменения. Кооперативы получили определенную самостоятельность, хотя вмешательство партийных и государственных органов в их деятельность продолжало сохраняться. Декрет Совнаркома РСФСР от 7 апреля 1921 г. освободил систему потребительской кооперации от подчинения Народному комиссариату продовольствия. Руководящими органами системы вновь стали Центросоюз и региональные потребительские союзы. С 1923 г. в потребительской кооперации был восстановлен принцип добровольного членства.

Таким образом, в годы новой экономической политики главным фактором широкого развития потребительской кооперации по всей стране стало освобождение ее от государственной опеки, создавшим простор для самостоятельности, саморазвития и проявления активного творческого начала в деятельности всех потребительских обществ. Постепенность этого освобождения от полной и прямой зависимости от партийных и советских органов определили важнейшие документы, принятые в условиях нэпа.

Так, декретом от 10 июля 1921 г. кооперация освобождалась от предварительного контроля со стороны рабоче-крестьянской инспекции. 16 августа этого же года декретом «О сельскохозяйственной кооперации» сельхозкооперация выделилась из организационной структуры Центросоюза. 22 августа 1921 г. X Международный кооперативный конгресс в Базеле признал Центросоюз единственным правомочным представителем всего кооперативного движения Советской России. 8 февраля 1922 г. Центросоюз с разрешения ВЦИКа и Совнаркома учредил в Москве банк потребительской

кооперации — Покобанк. 27 января 1923 г. собрание учредителей Покобанка преобразовало его во Всероссийский кооперативный банк — Всекобанк. 11 ноября 1923 г. 38-е собрание уполномоченных Центросоюза приняло постановление о переходе к добровольному членству. Собрание торжественно отметило 25-летие Центросоюза с участием руководителей Совнаркома, общественных организаций и многочисленных иностранных делегатов. Но окончательно добровольное членство в потребительской кооперации было разрешено правительством 24 мая 1924 г. декретом ЦИК и Совнаркома [7, с. 97, 98].

Все эти меры положительно сказались на деятельности кооперации по удовлетворению материальных и культурных запросов населения страны. К концу 1926 г. кооперативный сектор уже преобладал в стране — 52,2 % товарооборота принадлежало кооперативам: 38 % — потребительским, 11,6 — сельскохозяйственным и 2,6 % — промышленным. Кооперативная сеть насчитывала 109 тыс. торговых предприятий 3—5 разрядов. Следует пояснить, что в период нэпа торговые предприятия делились на 5 разрядов. К первому разряду относились разносчики, ко второму — ларьки, к третьему — маленькие магазины, к четвертому — крупные магазины оптово-розничной торговли, к пятому — оптовые базы и крупнейшие универмаги [7, с. 106].

В годы новой экономической политики по восходящей линии развивалась кооперация Дона, объединенная в Донской областной союз потребительских обществ. Донбосоюзу принадлежали два акционерных завода — мыловаренный и проволоочно-гвоздильный «Пролетарский Молот», а также мельницы и просорушки, маслособойные цеха, сельскохозяйственные фермы. В первой четверти 1923 г. в области насчитывалось 120 потребительских обществ, большинство из них представляли собой Единые потребительские общества (ЕПО). На тысячу квадратных верст приходилось 1,7 обществ, на 100 тыс. жителей — 7,5. По этим показателям и по абсолютному количеству потребительских обществ Донская область уступала на юго-востоке Кубано-Черноморской области, где имелось 383 потребительских общества, и Ставропольской губернии, насчитывающей 136 потребительских обществ, но опережала национальные районы Северного Кавказа. Всего же на юго-востоке в 1923 г. насчитывалось 869 потребительских обществ, на тысячу квадратных верст приходилось 3,2 общества, а на 100 тыс. жителей — 11,5 общества [13].

Глоток свободы, полученный страной в годы нэпа, дал колоссальный результат, в том числе и потребительской кооперации, которая, преодолевая многие сложности и упорно отстаивая кооперативные принципы, к концу нэпа обеспечивала почти 70 % товарооборота страны и стала самым мощным товаропроизводящим каналом [14].

В начале 1927 г. руководство партии еще следовало нэповской линии — постепенной передаче организации индивидуального потребления в руки самих потребителей: рабочих, крестьян, других слоев населения, объединенных в кооперативы. Но уже к концу 1927 г. начался отход от этой линии.

К периоду свертывания новой экономической политики потребительская кооперация во всех отношениях — численном, хозяйственном и организационном — значительно окрепла. Именно на этом этапе ее относительно свободное внутреннее самоуправление заканчивается. В последующие годы, исходя из своих стратегических задач построения нового социалистического строя, партия и правительство целиком и полностью овладевают и управляют всеми участками ее хозяйственной деятельности и внутренней жизнью [15, с. 107, 109].

В конце 20-х гг. в условиях отказа властей от принципов нэпа, многоукладной рыночной экономики и перехода к ускоренному осуществлению индустриализации страны и массовой коллективизации сельского хозяйства началось свертывание многих видов кооперации, произошла полная большевизация руководящих органов ее. Государство располагало различными способами воздействия на кооперативные организации. Помимо манипулирования кадрами, оно могло в любой момент изменить по своему усмотрению в нужном направлении и режиме налоговую политику, законодательство, ценообразование, машиноснабжение, кредитование и т. д.

С конца 20-х гг. в стране возобновилась практика заготовок хлеба. Она коснулась важнейшей части кооперативной системы — сельскохозяйственной кооперации. В этот период стал планироваться сам процесс кооперирования. Это было характерно для всех видов кооперации, но особенно для сельскохозяйственной, в которой процесс кооперирования крестьянства был подменен сплошной его коллективизацией. Ставилась задача в течение пяти лет обеспечить производственное кооперирование по меньшей мере 85 % крестьянских дворов и неуклонное перерастание первичных кооперативно-производственных объединений крестьян, различного рода товариществ в крупные коллективные хозяйства.

В ходе коллективизации практически во всех регионах страны была прекращена деятельность сбытовых, снабженческих, кредитных кооперативов, ликвидирован Сельскосоюз.

В такой сложной обстановке продолжала свою деятельность потребительская кооперация, выполняя свои обязанности по обеспечению населения всем необходимым. К концу 20-х гг. доля потребительской кооперации страны в товарообороте достигла наивысшего уровня — почти 70 %, а удельный вес в оптовой торговле — 62 %. Далее коммерческая деятельность потребкооперации пошла на убыль. Усилилась тенденция командования кооперацией, которая стала подвергаться многочисленным и не всегда оправданным реорганизациям, причем помимо воли и часто без участия пайщиков. Так, на II Всесоюзном съезде потребительской кооперации, состоявшемся в июле 1930 г., было решено объединить Центросоюз СССР и Центросоюз РСФСР в единый Центросоюз с общими руководящими органами и аппаратом управления. Сам аппарат подвергался чисткам неоднократно.

Резкий отход от нэпа, осуществленный И. В. Сталиным, насильственная коллективизация, голод 1932—1933 гг., карточная система и террор против «врагов народа» и «вредителей», в том числе среди кооператоров, — эти и другие последствия смены курса вновь отбросили потребительскую кооперацию назад. Она, как и в 1919 г., снова была взята, теперь уже надолго, под жесткий контроль партийно-государственных органов.

В 1931 г. в связи с товарным голодом продолжался начатый годом раньше в городах процесс создания закрытых распределителей (ЗР) и закрытых рабочих кооперативов (ЗРК) — уже к концу 1932 г. их действовало более 3,5 тыс. А всего в стране насчитывалось 46 тыс. обществ потребителей, объединявших 73 млн человек, в том числе 23,5 млн в городах и 49,5 млн в сельской местности. Кооператоры заготавливали более половины картофеля и овощей в стране, кормили хлебом большинство горожан, поставляли из своих подсобных хозяйств около 5 % рыночных фондов мяса.

Но уже в декабре 1932 г. постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б) были ликвидированы активно создаваемые для снабжения рабочих и служащих закрытые распределители (ЗР) и закрытые рабочие кооперативы (ЗРК). Вместо них и на базе этих самоуправляемых кооперативных структур были образованы государственные организации — отделы рабочего снабжения (ОРС). Голод (надбавки к продкарточкам на предприятиях и стройках

впрямую связывались с производительностью труда) ставился на службу социалистическому строительству, а у рабочей кооперации фактически было отобрано и передано ОРСам 32 тыс. торговых предприятий, многие тысячи хлебопекарен, столовых, подсобных хозяйств [15, с. 113].

Наблюдалась деформация цели потребительского общества, которое теперь должно было действовать «на основе генеральной линии партии». Усилилась тенденция к строгой централизации управления потребительской кооперацией. Одна из директив того времени требовала перестроить Центросоюз по типу ВСНХ и его президиума. Центросоюз уже мало отличался от обычного наркомата (министерства), он превратился в управленческий орган, стоящий над кооперативами, которые, в свою очередь, стали подчиненными звеньями централизованной системы, утратив свои кооперативные основы.

В 1935 г. государство окончательно закрыло городскую потребительскую кооперацию, созданную самим рабочим людом и исправно ему служившую более 30 лет. Безо всякой компенсации паевых взносов пайщикам материально-техническая база потребкооперации в городах была национализирована. В ведение Наркомата внутренней торговли перешло 26 138 розничных торговых предприятий и 7096 предприятий общественного питания; госпромышленность получила от кооператоров 255 хлебозаводов, 1139 хлебопекарен, 43 молочных завода, Московский и Ленинградский пивзаводы, 17 холодильников, рыбные хозяйства и рыболовецкий флот.

В результате такого ограбления доля потребкооперации в общем товарообороте упала с почти 70 % до 20 %. Численность потребительских кооперативов сократилось с 46 тыс. до 25,7 тыс., а число членов — с 73 млн до 40,8 млн. 17 августа 1936 г. постановлением ЦИК и СНК СССР был закрыт Всесоюзный кооперативный банк (Всекобанк), все его средства переданы Торгбанку СССР. При этом общая сумма свободного ликвидационного баланса кооперативного банка составила около 3,8 млрд р., а чистая прибыль — более 2,3 млрд р. С ликвидацией Всекобанка потребкооперация потеряла свой паевой фонд и право главного акционера банка [14].

1940 г. потребкооперация страны в целом завершила с прибылью, которая составила 1 млрд 206 млн р. Однако объем розничного товарооборота из-за сокращения государственного фонда товаров для сельских жителей вырос всего на 1 %.

Торговая сеть на селе оставалась преимущественно мелкой: размер товарооборота в расчете на один магазин, включая раймаги и сельмаги, составлял менее 5,5 тыс. р. [14].

Несмотря на все это, в предвоенное десятилетие потребкооперация Северокавказского края бесперебойно снабжала население товарами широкого потребления, а колхозы — товарами производственного назначения. Удельный вес потребкооперации в общем обороте на селе составлял более 70 %. Для лучшего обслуживания колхозников, рабочих и служащих МТС и совхозов потребительские кооперативы в сезон сельхозработ организовывали полевые кухни, кухонные развозы товаров и разносную торговлю [16, с. 52—54].

С началом Великой Отечественной войны кооперация подчинила свою работу задачам снабжения и укрепления тыла советских войск, осуществляла мероприятия по перестройке своей хозяйственной деятельности, вложила в государственные займы часть своих денежных средств. Кооператоры всей страны трудились под лозунгом «Все для фронта, все для победы!».

Потребительская кооперация в трудных условиях развивала подсобные хозяйства по выращиванию овощей, предприятия по разведению птицы, откорму животных, занималась ловом рыбы, открывала столовые для детей, инвалидов, эвакуированного населения, заготавливала яйца, лекарственные растения для фармацевтической промышленности, лом цветных и черных металлов для оборонной промышленности.

Так, только на Кубани в 1944—1945 гг. кооператоры имели 2700 га посевов, свыше 2000 голов крупного рогатого скота, свиней, коз и овец, около 3000 голов птицы, более 700 ульев пчел, вылавливали 280—300 т рыбы ежегодно [10, с. 51]. А кооператоры Дона за 1943—1944 гг. заготовили 42 тыс. т овощей и картофеля, 9 тыс. ящиков яиц, 137 тыс. штук кож, 17,5 т черного и цветного металла [16, с. 56]. В Ставропольском крае в 1943 г. потребительская кооперация заготовила 3700 т овощей, 437 т фруктов, 1843 т картофеля, более 4 млн штук яиц, 3 тыс. ц шерсти, 86,2 тыс. штук кож, 5,6 тыс. т металла. Подсобными хозяйствами потребкооперации было приобретено 562 головы рабочего скота, 152 молодняка скота, 178 овец, 114 голов свиней. Ими же было засеяно по краю 1372 га земли, где валовой сбор зерна, картофеля, овощей и подсолнечника составил 5100 т [17].

Велики были потери в войне потребительской

кооперации. В оккупированных районах страны было полностью разрушено 44,4 % торговой сети, или 345 тыс. кооперативных магазинов, складов, оптовых баз. Частично было разрушено 24,6 тыс. торговых предприятий. Общая сумма ущерба потребительской кооперации превысила 6 млрд р. [16, с. 125].

После победоносного окончания войны потребительская кооперация подчинила свою деятельность решению задач мирного времени. Потребительские общества провели реорганизацию, выборы органов управления и контроля, укрепили организации и предприятия за счет вернувшихся с фронта опытных работников, открыли новые магазины, увеличили собственное производство товаров широкого потребления и заготовки сельскохозяйственной продукции.

В связи с засухой 1946 г. и трудностями в продовольственном снабжении населения, в городах была развернута кооперативная торговля излишками сельскохозяйственных продуктов, закупаемых у населения и колхозов по ценам, складывающимся на рынке. Кооперации была разрешена на некоторое время также городская торговля промышленными товарами. В ноябре 1946 г. Совет министров СССР издал постановление «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольственными и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями». Этим документом впервые после депортации в 1935 г. потребительской кооперации из городов на село ей приоткрыли двери в город. Однако в городах потребкооперации дозволялось только торговать, а создавать потребительские общества не разрешалось. Вместе с денежной реформой и отменой карточной системы в 1947 г. государство предоставило кооперации ряд финансовых льгот. В потребкооперации, как и в госсекторе, дела пошли на подъем [18].

Так, в Ростовской области к 1948 г. было восстановлено 352 сельпо, 2350 магазинов, лавок и ларьков. Заново была создана широкая сеть промкомбинатов, мастерских, производящих товары широкого потребления или обслуживающих бытовые нужды населения [16, с. 57]. На Кубани кооператоры довели объем розничного товарооборота до 1 млрд 114,9 млн р., заготовительно-закупочный — до 142 401 тыс. р., произвели товаров широкого потребления на 56 846 тыс. р. [10, с. 54]. В Ставропольском крае в 1948 г. по сравнению с предыдущим годом объем заготовок различных видов продукции

и сырья по сумме оборота вырос на 30,7 %. Общий торговый оборот по системе крайпотребсоюза составил 474,4 млн р. [19].

В августе 1949 г. совместным постановлением ЦК КПСС и Совмина изъяли безо всякого на то объяснения у потребительской кооперации 12,1 тыс. магазинов и 6 тыс. предприятий общепита в городах с передачей их Минторгу СССР. После 1932 и 1935 гг. это, по сути, была третья национализация городской кооперативной торговли. Столь непоследовательная политика Советского государства по отношению к потребкооперации, когда одной рукой предоставляются льготы, а другой отнимается имущество, — явление не случайное. Кооперация с ее специфической формой собственности, демократической основой и самостоятельностью никак не вписывается в коммунистическую догму единого централизованного хозяйства. Даже будучи огосударственной, она не была вполне государственной, и как ее ни поворачивали, не стала и не могла стать советской кооперацией, ибо такова уж кооперативная природа — она либо есть, либо ее нет [19].

Таким образом, в условиях советской власти, находясь в тисках административно-централизованной экономики, потребительская кооперация страны не только продемонстрировала многообразные и эффективные с экономической и социальной точек зрения формы организации производства и услуг, но и успешно развивала все сферы своей деятельности. Это послужило хорошей основой и дало новый импульс работе потребительских обществ в удовлетворении запросов населения на все виды товаров в последующие годы.

И основной вывод из опыта деятельности кооперации в 20—40-е гг. XX в. заключается в том, что она как самостоятельная и саморазвивающаяся организация широких масс способна при определенной поддержке государства активно решать социально-экономические проблемы общества. Именно поэтому выдвинутые В. В. Путиным на

современном этапе модернизации общества приоритетные национальные проекты обуславливают развитие практически всех видов и форм кооперации (кредитной, сельскохозяйственной производственной, сельскохозяйственной потребительской и др.), что позволит создать в стране мощное кооперативное движение — надежного партнера государства в реализации национальных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Файн Л. Е. Отечественная кооперация: исторический опыт. Иваново, 1994; Макаренко А. П. Теория и история кооперативного движения: учебное пособие для студентов высших и средних кооперативных учебных заведений. М., 2000; Вахитов К. И. История потребительской кооперации России. М., 1998.
2. Панарин А. А. Эволюция кооперации на Дону и Северном Кавказе в 1921—1929 гг. Армавир, 2004.
3. РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 4. Д. 139. Лл. 21, 23.
4. Российская кооперация. 2000. 28 октября.
5. Кооперативная жизнь. 1918. № 8—9.
6. Макаренко А. П. Теория и история кооперативного движения. М.: Маркетинг, 1999.
7. Вместе ради будущего. 170 лет потребительской кооперации России. М.: Издательский дом Центросоюза, 2001.
8. Ленин В. И. Проект декрета о потребительских коммунах // Полн. собр. соч. Т. 35.
9. ГАРО. Ф. р. 1891. Оп. 1. Д. 6. Л. 190—192.
10. Дуплякин В. Ф. Потребительская кооперация Кубани 1872—1992 / В. Ф. Дуплякин, В. А. Коломиец, Г. Д. Шевяков. Краснодар, 1992. С. 27—30.
11. ГАСК. Ф. р. 132. Оп. 1. Д. 13. Л. 37.
12. 125 лет потребительской кооперации Ставрополья. Ставрополь, 1995.
13. Оборин И. Потребительская кооперация на юго-востоке России. Ростов н/Д, 1924. С. 3—4.
14. Российская кооперация. 2000. 11 ноября.
15. Прижигалинский В. П. Дитя нужды. История, теория и практика кооперативного движения. Ставрополь: Пресса, 1995.
16. Ковтун Л. В. История потребительской кооперации на Дону. Ростов н/Д, 2005.
17. ГАСК. Ф. р. 954. Оп. 5. Д. 522. Л. 63.
18. Российская кооперация. 2000. 18 ноября.
19. ГАСК. Ф. р. 954. Оп. 5. Д. 139. Л. 427.

Ставропольский кооперативный институт
(филиал) Белгородского университета
потребительской кооперации
З. Р. Кочкарова, кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории кооперативного
движения Ставропольского кооперативного
института (филиала) Белгородского университета
потребительской кооперации,
zkochka@yandex.ru
Тел.: (88652) 94-01-41

Stavropol Cooperation Institute of Belgorod University
Z. R. Kochkarova, the candidate of historical science,
the docent of department of theory and history
of the cooperation of Stavropol Cooperation Institute
of Belgorod University,
zkochka@yandex.ru
Tel.: (88652) 94-01-41